

Exploring the Issue of Historical Knowledge Production Regarding the Caucasus Periphery of the Russian Empire (Based on the Research Practices of A. P. Berge)

Tatyana A. Kolosovskaya

North Caucasus Federal University. Stavropol, Russia. Email: kolosowskay[at]yandex.ru

Received: 6 February 2023 | Revised: 14 April 2023 | Accepted: 30 April 2023

Abstract

This article conducts an analysis of the activities of the Russian Caucasus scholar A. P. Berge (1828-1886) with the aim of investigating the process of shaping historical knowledge about the Caucasian periphery of the Russian Empire during the late imperial period. In the public consciousness of that time, the Caucasus was firmly associated with the “East,” allowing for the identification of certain aspects of the impact of the phenomenon of orientalism on the Russian soil. Based on discussions within the academic community regarding orientalism as a colonial discourse, the author, using the specific example of the researcher, demonstrates the influence of state power on the activities of scholars.

A. P. Berge's research practices were adjusted in accordance with the demands of his time, and their outcomes aligned with the spirit of the era. Arriving in the Caucasus as a scholar of the East, with the intention of studying the local culture, he was compelled by political authority to reconsider his scholarly interests and engage in the process of shaping historical knowledge aimed at solving practical challenges faced by the local administration.

Berge, a talented researcher and organizer of Caucasian history studies, recognized the significant role of science in the cultural integration of the Caucasian periphery of the Russian Empire and conscientiously fulfilled the tasks assigned to him by the authorities. His approach to the history of the Caucasus joining Russia was not idealized, and he maintained a pragmatic stance towards the unfolding events. It is noteworthy to highlight his positive contribution to the formation of the source base of Caucasian studies, as well as his genuine interest and sympathy for the region, alongside with the absence of overt imperialistic ambitions. A prevailing theme in his works is the notion of Russia's civilizing mission in the Caucasus, and the scholarly projects he pursued contributed to establishing the foundation for constructing a shared history, aiming at the internal consolidation of the Caucasian territories and their representation as an integral part of the Russian Empire.

Keywords

Russian Empire; Caucasus; Historical Caucasus studies; Orientalism; Historiography; Archeography; Historical narrative; Caucasus acquisition by Russia; Caucasus War; A. P. Berge

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

К проблеме производства исторического знания о кавказской окраине Российской империи (на материалах исследовательских практик А. П. Берже)

Колосовская Татьяна Александровна

Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия.

Email: kolosowskay[at]yandex.ru

Рукопись получена: 6 февраля 2023 | Пересмотрена: 14 апреля 2023 | Принята: 30 апреля 2023

Аннотация

В данной статье осуществляется анализ активности российского кавказоведа А. П. Берже (1828–1886) с целью исследования процесса формирования исторического знания о кавказской окраине Российской империи в позднеимперском периоде. В публичном сознании того времени Кавказ был прочно ассоциирован с «Востоком», что позволяет выявить определенные аспекты воздействия феномена ориентализма на российской почве. Исходя из обсуждения в научном сообществе роли ориентализма как колониального дискурса, автор на примере конкретной личности исследователя демонстрирует влияние государственной власти на активность ученых.

Исследовательские практики А. П. Берже были настраиваемы в соответствии с требованиями своего времени, а их результаты соответствовали духу эпохи. Он прибыл на Кавказ как ученый-востоковед с намерением изучить местную культуру, однако под воздействием политической власти ему пришлось пересмотреть свои научные интересы и вовлечься в процесс формирования исторического знания, направленного на решение практических задач, стоявших перед местной администрацией.

Берже, талантливый исследователь и организатор изучения кавказской истории, осознавал важное значение науки в культурной интеграции кавказской окраины Российской империи и добросовестно выполнял порученные властью задачи. Его подход к истории присоединения Кавказа к России не был идеализированным, и он сохранял прагматичную позицию по отношению к происходящим событиям. Следует отметить его положительный вклад в формирование источниковой базы кавказоведения, а также отсутствие явных империалистических стремлений, искренний интерес и симпатию к региону. Общей темой в его работах является идея о цивилизаторской миссии России на Кавказе, и выпускаемые им научные проекты способствовали созданию основы для конструкции общей истории с целью внутреннего объединения кавказских территорий и их представления как неотъемлемой части Российской империи.

Ключевые слова

Российская империя; Кавказ; историческое кавказоведение; ориентализм; историография; археография; исторический нарратив; присоединение Кавказа к России; Кавказская война; А. П. Берже

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

К числу актуальных, но пока малоизученных тем относится прошлое России в контексте взаимоотношения власти и исторического знания. В современных исследованиях очевиден интерес к роли историков в процессах формирования государственной идеологии, выяснению того, насколько рассказанная ими история позволяла снабдить население «вдохновляющим и исполненным достоинства прошлым, служащим прочным основанием для формирования общей национальной (государственной) идентичности» (Торбаков, 2001, с. 392). Хотя обозначенная проблема анализируется исследователями преимущественно на материалах советского периода российской истории, не меньший интерес представляет изучение вопроса применительно к имперскому времени. Поскольку Российская империя представляла собой многонациональное государство с системой взаимоотношений «центр – периферия», чрезвычайно важно рассмотрение темы в региональном измерении, в контексте влияния исторического нарратива на закрепление российского доминирования на окраинах империи, в том числе и на восточных.

Кавказ, хотя и располагался не к востоку, а к югу по отношению к политическому центру страны, тем не менее в массовом сознании современников устойчиво ассоциировался с «Востоком». В силу этого изучение исследовательских практик кавказоведов неминуемо приводит к размышлению о феномене ориентализма и возможности его применения к анализу истории интеллектуального освоения кавказского фронта.

Предложенная американским исследователем палестинского происхождения Э. Саидом концепция ориентализма опирается на тезис о зависимости между производством знания о «Востоке» и политикой подчинения его «Западом». Он ставил под сомнение саму возможность получения объективного знания о «Востоке» западными исследователями. В его интерпретации ориентализм являлся не чем иным как «колониальным дискурсом», т. е. системой представлений о колонизируемых сквозь призму их восприятия колонизаторами. Саид настаивал на том, что его ориентализм является попыткой анализа того, как власть пользуется знанием для распространения своего влияния (Said, 1978).

Такая трактовка ориентализма, весьма спорная и противоречивая по своему содержанию, вызвала бурные споры среди историков.

По мнению Л. Б. Алаева, благодаря теоретическим построениям Э. Саида, востоковедение из науки, которая «бескорыстно трудится в трудных условиях, изучая неевропейский мир с тем, чтобы открыть культуру и историю этих народов опять же всему миру, вдруг была обвинена в том, что она – наука колониальная, обслуживающая интересы западных колонизаторов, работающая вовсе не для изучаемых народов, а для европейцев, пронизанная европоцентризмом и презрительным отношением к туземцам, т.е. и не наука вообще» (Алаев, 2016, с. 16).

В фокусе дискуссий оказался вопрос об универсальности предложенной модели и ее применимости к Российской империи (Jersild, 2002; Tolz, 2011). Оказалось, что имперская политика на восточных окраинах страны представляет широкие возможности как для истолкования, так и для критики концепции Э. Саида. Не ставя перед собой задачи выступить в роли сторонника или противника его взглядов, в рамках настоящей статьи остановимся на частном примере взаимодействия власти и ученых в ходе формирования исторического знания о кавказской окраине Российской империи. Для этого обратимся к характеристике исследовательских практик Адольфа Петровича Берже (1828–1886) как одного из самых известных российских кавказоведов позднеимперского периода.

Список работ, посвященных научной биографии А. П. Берже, весьма обширен. Первые исследования о нем появились еще в дореволюционной России (Городецкий, 1912). В советское время результаты этнографических наработок ученого получили оценку в трудах М. О. Косвена (1955), а весьма подробный обзор научной деятельности сделал Л. Н. Колосов (1987). На современном этапе по-прежнему наблюдается значительный интерес к его личности. В фокусе рассмотрения оказываются труды Берже по истории, этнографии, археологии Кавказа (Алиева, 2021; Рыбаков, 2006; Сулаберидзе, 2013). При этом вопросы влияния власти на исследовательские практики ученого и их результаты изучены не были.

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования образовали принципы и методы интеллектуальной истории, которые позволили проанализировать научно-практическую деятельность А. П. Берже в контексте конкретно-исторических условий ее выполнения, включая региональные особенности.

Источниками для раскрытия темы послужили, главным образом, тексты самого А. П. Берже: его тревелог, этнографические очерки, исторические нарративы, которые позволили обратить внимание не только на результаты, но и на мотивы познавательной деятельности. Важную роль в работе сыграли воспоминания современников и рецензии на труды ученого, отражающие особенности организации его исследовательских практик, а также их оценки властью и обществом.

Начало службы на Кавказе

А. П. Берже был выходцем из семьи французских эмигрантов, переселившихся в Россию в начале XIX в. В 1851 г. он закончил обучение на восточном факультете Петербургского университета и, увлеченный Востоком, мечтал отправиться в 6-летнее путешествие по Египту, Аравии, Персии и Турции. Когда о планах молодого исследователя сообщили императору Николаю I, тот заметил: «Берже не для чего ехать за границу, на восток, так как Россия имеет

свой восток, это – Кавказ, пусть он туда и отправляется на службу» (Семевский, 1886, с. 729). В итоге, вместо Египта Адольф Петрович поехал в Тифлис, где ему было суждено провести оставшиеся 35 лет своей жизни.

Начав со службы в канцелярии Кавказского наместника князя М. С. Воронцова, Берже смог сделать успешную карьеру. В 1855 г. он был назначен старшим помощником чиновника по секретной части канцелярии наместника, в 1856 г. занял должность заведующего мусульманскими училищами Закавказского края, в 1858 г. назначен чиновником по особым поручениям при начальнике Главного управления кавказского наместника. Незадолго до своей смерти Адольф Петрович был произведен в чин тайного советника (Семевский, 1886, с. 738).

Административную деятельность Берже умело сочетал с занятиями наукой. Частые служебные командировки (в Персию, Дагестан, Мингрелию и др.) позволяли удовлетворять присущую ему склонность к путешествиям, собирать книги и рукописи, отыскивать сведения о малоизвестных кавказских народах, записывать их песни и предания. Выявленные материалы Берже отправлял в Академию наук и публиковал в виде статей и очерков на страницах местных периодических изданий: газеты «Кавказ» и ежегодного справочника «Кавказский календарь».

Берже принимал деятельное участие в работе Кавказского отдела императорского Русского географического общества, с 1856 по 1859 гг. являлся его правителем дел. Первым поручением Берже в рамках деятельности отдела стала подготовка этнографического обзора народов Кавказа, с чем исследователь успешно справился. В 1857 г. на страницах «Кавказского календаря», а затем и в виде отдельного издания была опубликована его работа «Краткий обзор горских племен на Кавказе».

Пленение Шамиля и прекращение военных действий на Северо-Восточном Кавказе расширило возможности по изучению края. Свою миссию, как ученого, Берже видел в необходимости включиться в сбор материалов о недавно подчиненных Россией территориях, поскольку именно знания, по его мнению, должны были стать фундаментом для их дальнейшего прогрессивного развития.

«...Где мир вступает в свои права, там неизбежно, в силу исторических законов, наука должна приняться за свои труды во имя просвещения и гражданственности, – писал Берже в предисловии к своей работе «Чечня и чеченцы», – дабы подготовить ту светлую будущность одаренного естественными богатствами края, которая составляет задачу нашего времени... Не только грешно, но и преступно было бы пренебречь возможностью собрать на месте пока еще свежие материалы. Прислушаться к преданиям непочтой народной старины и изучить физиологические особенности туземного населения» (1859, с. V–VI).

Современники критиковали Берже за сухость изложения материала, перенасыщенность фактами и именами собственными, что делало его работы

похожими на «докладную записку, составленную умным подчиненным для прочтения умному начальнику» (Дружинин, 1860). Однако они тут же подчеркивали, что его исследования представляют собой «добросовестный труд, исполненный с охотой, да сверх того и появившийся вовремя» (1860).

С 1857 г. Берже выполнял обязанности заведующего Тифлисской публичной библиотеки. Склонный к систематизации научных знаний, он составил ее каталог и выхлопотал у главнокомандующего на Кавказе великого князя Михаила Николаевича средства на ее благоустройство. Помещение было отремонтировано, выделена отдельная комната для размещения читального зала, а из Кавказского отдела ИРГО привезли необходимую мебель. С 1864 г. именно здесь стали проходить общие собрания этого научного центра по изучению Кавказа.

Берже удалось значительно пополнить книжный фонд библиотеки. Воспользовавшись своими командировками в Петербург и Европу, на средства выделенные начальником Главного управления кавказского наместника А. П. Николаи, он приобрел сочинения на европейских языках и работы отечественных авторов.

Берже рассматривал библиотеку не только как место притяжения читающей публики г. Тифлиса. В его заявлениях программного характера прослеживается стремление превратить библиотеку в важный культурный и научный центр, выходящий за рамки регионального уровня, место притяжения ученых-востоковедов:

«...Даже в настоящем своем виде, – подчеркивал Берже – Тифлисская публичная библиотека, после подобных ей учреждений англичан в Калькутте и голландцев в Батавии, занимает по своему значению едва-ли не самое почетное место в Азии. Продолжая удовлетворять потребностям образованного общества, она приносит не малую пользу и путешественникам, находящим в ней обильный запас сведений о здешнем крае. Последним из них был доктор Бастиан. Прибыв после 6-летнего странствия по Сиаму, Индии и Яве через Китай, Монголию и Сибирь в Закавказье, он прожил в Тифлисе около трех недель. Проведя все это время в ученых занятиях, он нашел в здешней библиотеке, так сказать отрадный оазис после продолжительного отчуждения от всяких умственных средоточий образованного мира» (1866а, с. 2).

В 1857–1860 и в 1862–1864 гг. Берже был редактором «Кавказского календаря» – издававшегося в г. Тифлисе ежегодного справочного издания. Наряду со статистическими данными, на его страницах помещались материалы по истории и этнографии, сведения о нравах кавказских народов, их религии, образе жизни и т.д. В целом, «Кавказский календарь» исполнял роль некоего путеводителя по Кавказу и позволял Берже, как редактору, оказывать влияние на формирование представлений о новой окраине России и населяющих ее народах у читающей публики.

Поездки Берже по Кавказу сопровождались уникальными находками. В ходе путешествия по Дагестану в 1860 г. он посетил недавно покоренный аул

Гуниб. Командующий здесь генерал И. Д. Лазарев передал ученому список хроники Мухаммеда Тахира ал-Карахи на арабском языке, более известной под названием «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах» (Колосов, 1887, с. 216). Документ представлял собой историю движения горцев Северо-Восточного Кавказа 1830 – начала 1850-х гг., рассказанную самими горцами. Берже взялся за перевод рукописи, но не довел начатое до конца. Его перевод первых трех глав хранится в настоящее время в личном фонде военного историка Н. Ф. Дубровина в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/15).

Более успешной оказалась его работа с рукописью кабардинца Шоры Ногмова «История адыгейского народа». Это произведение включало в себя сведения этнографического и исторического характера и впервые было опубликовано в «Закавказском вестнике» за 1847 г. под названием «О Кабарде». Сличив печатный текст с подлинной рукописью, Берже обратил внимание на допущенные издателями пропуски. Ученый отредактировал рукопись, дополнил ее предисловием, биографией автора, примечаниями, приложениями и в 1861 г. издал в полном объеме в г. Тифлисе отдельной книгой, а затем перевел на немецкий язык и опубликовал в Лейпциге. Тем самым Берже дал возможность горцам самим представить свою историю и традиционную культуру не только в России, но и в Европе.

В целом, основные усилия Берже в начале 1860-х гг. были сосредоточены на изучении в области лингвистики.

«...Все мои занятия, – писал ученый, – ограничиваются переводом восточных манускриптов и составлением подробного исторического обзора предпринимавшихся на Кавказе лингвистических исследований туземных языков и наречий» (1862, с. 6).

Это занятие требовало много сил и времени. Тем не менее, оно отвечало научным интересам Берже и удовлетворяло его честолюбивым планам оставить след в науке как первопроходца в области лингвистического кавказоведения. Можно предположить, что именно «изучением в филологическом отношении многоязычного Дагестана» (1862, с. 6) Берже планировал серьезно заниматься в течение ближайшего времени. Но и на этот раз власть внесла свои коррективы в развитие его научной карьеры.

Во главе Кавказской археографической комиссии

Завершение Кавказской войны (1864 г.) и установление мира на кавказской окраине Российской империи актуализировало вопросы изучения прошлого новых территорий. Развитие исторического кавказоведения в рассматриваемый период было непосредственно связано с конструированием памяти о том, благодаря кому и какой ценой регион стал неотъемлемой частью Российского государства. Именно поэтому приоритетным направлением исто-

рических исследований становится тема установления российского доминирования в регионе, включая историю военного противостояния с Турцией, Ираном и горцами Северного Кавказа, а также вопросы развития гражданского устройства в крае.

Имперские администраторы выступили инициаторами институционального оформления исторического кавказоведения. В 1864 г., при Главном управлении кавказского наместника была создана Кавказская археографическая комиссия. Ее главной задачей стал разбор архивных документов по истории присоединения Кавказа к России и обнародование их отдельными выпусками. Следующим этапом в ее работе должна была стать подготовка подробного исследования об истории установления системы российского управления в крае (Максимчик & Манышев, 2020, с. 49). Возглавить комиссию было поручено А. П. Берже. На этом посту ему суждено было находиться до самой смерти.

Как ученый, увлеченный изучением восточных языков и культур, отнесся к своему новому назначению – выяснить по доступным нам источникам пока, к сожалению, не удастся. Но если оттолкнуться от последовавших затем событий, то можно предположить, что такое изменение служебной деятельности стало для него неожиданным. Не случайно сразу же после получения новой должности Берже отправляется в выхлопотанную им у начальства командировку в Европу, дабы завершить предыдущие проекты: издать там сборник азербайджанской поэзии и персидско-русский словарь (Колосов, 1987, с. 217). Спустя четыре месяца он вернется на Кавказ и всецело погрузится в работу с архивными документами.

Комиссия начала деятельность с разбора и опубликования дел архива Главного управления Кавказского наместника, как старейшего учреждения на Кавказе и центрального по важности и обилию хранящихся в нем документов. В 1866 г. вышел в свет первый том Актов Кавказской археографической комиссии (АКАК), состоящий из двух частей. В первую часть вошли ценные исторические источники X – XIV вв., переданные в архив Главного управления в 1852 г. из Грузино-Имеретинской Синодальной конторы: жалованные грамоты (гуджары) грузинских царей, фирманы персидских шахов и другие документы на восточных языках с синхронным русским переводом. Во вторую часть вошли документы, относящиеся ко второй половине XVIII в. за время управления кавказским краем генерал-лейтенантом К. Ф. Кноррингом, до смены его в конце 1802 г. князем П. Д. Цициановым.

Следующие тома АКАК охватывали материалы за время управления краем тем или иным главнокомандующим в хронологическом порядке: второй том включал документы эпохи управления князя П. Д. Цицианова (1802–1806 гг.), третий том – время управления графа И. В. Гудовича (1806–1809 гг.), четвертый – время генерала А. П. Торماسова (1809–1811 гг.), пятый – период управления маркиза Ф. О. Пауллуччи и генерала Н. Ф. Ртищева (сентябрь 1811–1816 гг.), шестой

том отражал документальную историю Кавказа времен его управления генералом А. П. Ермоловым (1816–1827 гг.) и т.д.

Под непосредственным руководством Берже было опубликовано десять томов АКАК, включающих в себя материалы до 1855 г., т.е. до наместничества М. С. Воронцова включительно. Одиннадцатый том, отражавший документы за период с 1855 по 1864 гг. (периоды наместничества Н. Н. Муравьева и А. И. Барятинского), т. е. завершающего этапа Кавказской войны, был подготовлен Берже к печати, но вышел в свет уже после его смерти.

Издание АКАК было направлено на решение актуальных практических задач, стоявших перед кавказской администрацией во второй половине XIX в. – изучение политической, экономической и социальной истории края для лучшего им управления.

«С окончанием Кавказской войны и умиротворением здешнего обширного и разноплеменного края, наступила пора свести счеты слишком полувековой, обильной событиями деятельности русского правительства на Кавказе, – писал Берже в предисловии к первому тому АКАК, – дабы достойно открыть новую эпоху жизни этого края, мирную эпоху внутреннего развития. С этой целью правительству естественно было оглянуться на свое прошлое, измерить путь им пройденный со дня водворения здесь русского владычества, взвесить и оценить надлежащим образом те громадные препоны, которые ему предстояли, и те способы, коими последние были преодолены – и все это осветить фактами, неподлежащими сомнению, имеющими историческую достоверность» (1866b, с. III).

Одновременно осознавалась научная ценность издания и те широкие возможности, которые оно открывало для последующих поколений историков. Современниками акты воспринимались не иначе как «неисчерпаемый источник драгоценнейших сведений» (Щербинин, 1876, с. 225), как источник база «для разработки летописи боевых действий на азиатских наших границах, для составления, в назидание нашему грядущему юношеству, посвящающему себя военному поприщу, описаний славных подвигов Цициановых, Котляревских, Ермоловых и стольких доблестных сынов России, прославивших ее оружие» (Щербинин, 1876, с. 234).

Материальная поддержка со стороны местной администрации позволила выпускать тома, которые по внешнему оформлению могли смело соперничать с лучшими европейскими изданиями того времени.

В отзыве на седьмой том АКАК подчеркивалось: «Читатель, избалованный изданиями Фирмена Дидо или Генриха Плона – в Париже, Брокгауза или Пэйна – в Лейпциге, не поверит глазам, читая на заглавных листах «актов», что печатаются они в полуазиатском Тифлисе, что портреты – совершенство литографического искусства – исполнены г. Дюстердиком, в художественной литографии Томсона, в том же Тифлисе, в котором не далее, как лет тридцать тому назад, не только иллюстрированные, но мало-мальски опрятные издания были немислимы» (Венюков, 1879, с. 747).

Из-за роскошности издания его тираж был невелик (не более двухсот экземпляров), а цена весьма приличная (25 руб. за том). Приобрести себе томик АКАК мог далеко не каждый интересующийся кавказской историей. Громадные фолианты АКАК не могли стать предметом праздного любопытства. Но, собственно, такой задачи как популяризация исторического знания перед Берже и не стояло. Главное – выявить, систематизировать и напечатать документы, которые позволяли создать основу для конструирования исторического знания. Будущий историк мог найти в издании богатейший материал не только для общей истории «русского владычества» на Кавказе, но и данные о состоянии здесь путей сообщения, горного дела, народного просвещения и т. д.

Всего к началу XX в. было выпущено в свет двенадцать томов АКАК, включавших более 16 тыс. документов по истории российско-кавказских отношений XIV – XVIII вв. и российского управления краем (Максимчик & Манышев, 2020, с. 55). Обнародованные исторические источники способствовали легитимизации российского присутствия на Кавказе. Кроме того, содержащиеся в них факты по истории, этнографии и статистике помогали выработке эффективной административной политики империи на ее новой окраине.

Исторические нарративы А. П. Берже в ракурсе имперской историографии

Выполнение второй задачи, стоявшей перед Кавказской археографической комиссией, т. е. подготовка истории присоединения Кавказа к России, находило отражение в исторических нарративах Берже. С 1872 г. он активно сотрудничал с редакцией журнала «Русская старина», на страницах которого публиковал тематические подборки документов и свои исторические сочинения.

В фокусе рассмотрения Берже оказались сюжеты и исторические личности, которые стали знаковыми для формирующейся в то время официальной историографии «установления русского владычества на Кавказе». Среди них следует назвать деятельность на Кавказе А. П. Ермолова, посещение в 1837 г. Кавказа императором Николаем I, управление Кавказом в 1854 – 1858 гг. Н. Н. Муравьевым.

В ходе работы над седьмым томом АКАК Берже удалось выявить значительное количество документов о развитии дипломатических отношений России с Персией. Среди них достаточно часто встречалось имя А. С. Грибоедова. Берже не только опубликовал эти материалы, но и положил их в основу подготовленного им исторического сочинения о службе А. С. Грибоедова на Кавказе и в Персии, в том числе о его трагической гибели (1872, с. 163–207).

Благодаря Берже, впервые в русской исторической литературе был поставлен вопрос о русских беглецах в Персии. В 1876 г. в «Русской старине»

был опубликован его историко-биографический очерк о Самсоне Яковлевиче Макинцеве и его сподвижниках. Берже уделил внимание также «героическим» (с точки зрения официальной историографии) сюжетам военной истории Кавказа. Он подготовил статью, посвященную событиям, происходившим на Черноморской береговой линии в начале 1840-х гг., и подвигу рядового Тенгинского полка Архипа Осипова. Ученый рассказал по архивным документам историю разгрома горцами Михайловского укрепления и взрыва порохового погреба, а также сделал экскурс в сохранение исторической памяти об этом сюжете и создания памятника погибшим героям (1877, с. 275–286).

Постепенное погружение Берже в новейшую историю Кавказа привело его к переходу от небольших заметок событийного характера к достаточно объемным сочинениям аналитического характера, которые позволяли объяснить обществу, зачем Россия пришла на Кавказ и чем определялась ее политика в регионе. В 1880 г. на страницах журнала «Русская старина» был опубликован очерк Берже об истории присоединения Восточной Грузии к России. Именно это событие, по его мнению, определило вступление страны на путь решительного покорения Кавказа и Закавказья. Поскольку данный очерк позволяет понять концепцию ученого по проблеме российско-кавказского исторического взаимодействия и установления российского доминирования в регионе, остановимся на нем поподробнее.

Определяя задачи исследования, Берже формулирует три главных вопроса: «1. Было ли присоединение Грузии результатом завоевательных планов России? 2. Произошло ли присоединение Грузии к России вследствие эгоистического стремления Георгия XII оградить свои личные права? 3. Желал ли грузинский народ русского подданства?» (1880, с. 1)

В поисках ответа на поставленные вопросы автор обращается к архивным документам и обосновывает мысль о том, что присоединение Грузии к России являлось закономерным историческим процессом, не зависящим от воли правителей. Он проводит мысль об отсутствии стремления у российского правительства к «поглощению грузинского царства» и искреннем желании «сохранить его самостоятельность под покровительством России» (1880, с. 3).

«Россия, в виду сохранения христианского государства за непроходимыми в то время Кавказскими горами, желала только оградить его существование и для того, довольствуясь лишь ролью сюзерена, предполагала упрочить прогрессивное развитие страны», (1880, с. 4) – пишет Берже.

Инициатива принятия русского подданства исходила от самих грузинских царей и была обусловлена, по мнению исследователя, внутренними причинами:

«Полное расстройство внутренней государственной жизни, существовавшие и ожидавшиеся междоусобия и опасность от внешних врагов – не могли быть устранены собственными силами царства, что и вынудило искать подданства

российскому императору взамен высылки русских войск, которые сохранили бы погасавшую жизнь грузинского царства» (Берже, 1880, с. 5).

Берже настаивает на том, что присоединение Восточной Грузии произошло не в интересах России, а в интересах самих грузин, с целью обеспечения покоя и безопасности населения. Более того, произошедшее он трактует как жертву, на которую заставил пойти российское правительство объективный ход исторических событий:

«Присоединение это можно считать ошибкой, увлечением гуманными идеями, но отнюдь не захватом, завоеванием. Но если это и можно считать ошибкой, то ошибка эта была неизбежна в силу исторических условий: полное разложение государственного строя Грузии и остальных христианских владений за Кавказом требовало перехода России за Кавказский хребет, для охранения христианской цивилизации от мусульманского варварства, и Россия перешла через Кавказские горы против желания своего царственного руководителя и в явное для себя разорение» (Берже, 1880, с. 29–30).

А вот последствием этого присоединения, по мысли Берже, и стала необходимость завоевания всего Кавказа, под которым Берже понимает «сознательное наступление и дипломатическим и военным путем» (1880, с. 24). Включение в состав империи западных грузинских княжеств и мелких ханств в Восточном Закавказье Берже интерпретирует как вынужденную необходимость для защиты Грузии, а развитие промышленности и торговли в этих областях рассматривает как будущую награду России «за понесенные ею жертвы на военные действия и на водворение цивилизации за Кавказом» (1880, с. 30).

Предложенное Берже видение истории российско-грузинских отношений в полной мере соотносилось с разработанной к тому времени в военном министерстве официальной концепцией истории присоединения Кавказа к России (Колосовская & Ткаченко, 2020, с. 132–133). Тезисы Берже о закономерности движения России на Кавказ и выполнения ею здесь цивилизаторской миссии являлись ее развитием и подтверждались архивными документами, выявлением и публикацией которых Берже занимался.

Ответы на вопросы о роли последнего грузинского царя и желании рядовых грузин становиться подданными российского императора исследователь давал, исходя из обозначенной выше концепции. Как следует из его труда, Георгий XII был слабым правителем, «человеком весьма добродетельным, но со слабым здоровьем», который осознавал невозможность дальнейшего существования Грузинского царства без поддержки со стороны России. Внешняя сила должна была помочь ему спасти страну от междоусобиц. Предвидя свою близкую кончину, руководствуясь интересами грузинского народа, он решил опереться на покровительство христианского государства. В свою очередь, грузинский народ «целые века ждал единения с Россией и примкнул к ней с искренним желанием составить неотъемлемую часть русского государства» (1880, с. 177).

Несмотря на явное желание Берже следовать в фарватере имперского нарратива, стоит обратить внимание на его обращение и к событиям «неудобного» прошлого. Спустя два года после опубликования очерков о присоединении Грузии, на страницах «Русской старины» выходит его работа, посвященная истории выселения горцев с Кавказа. Насыщенная яркими фактами, она отражала один из трагических эпизодов Кавказской войны и ее последствий.

Сожалев о случившемся, Берже проявляет себя в качестве историка с имперским мышлением. Исходя из догмата о превосходстве «европейской цивилизации над варварством», он объясняет и оправдывает действия российских властей, обвиняя в случившемся Турцию, европейские страны и сами горские народы, которые не хотели становиться подданными русского императора:

«Сожалеть должно только о самих горцах, которые обманывали себя так долго ложными надеждами на чужую помощь и не подчинились исторической необходимости поступиться своеволием для мирного восприятия гражданственности. Всегда и везде мелкие полудикие народности поглощались более сильными народами и, если утрачивали при этом национальные особенности и обычаи, то зато получали право на умственное и нравственное развитие и приобретали более высокую степень материального благосостояния. Так было бы и с горскими племенами Кавказа без участия в их судьбе Турции и европейской дипломатии, которые только и могли усилить их настоящие потери и страдания и приготовить в будущем совершенное исчезновение их, как отдельных племен и народностей» (1882, с. 345).

Ссылается Берже также на «дикость» горских нравов, «совершенное недоверие к нам» и «желание необузданной свободы», что, по его мнению, «долго будет служить препятствием к скорому водворению между ними гражданственности и преданности к нашему правительству» (1882, с. 348). Суть Кавказской войны Берже объясняет естественным ростом Российского государства, который столкнул ее на Кавказе с «хищниками». Силовая политика России оправдывается «варварством» местного населения, у которого, по мнению Берже, не было даже понятия о «предосудительности воровства и грабежа» и с которым невозможно было договориться (1882, с. 169). Так, апеллируя к сложившимся стереотипам, он дает объяснение исторических событий, которое позволяло оправдать действия кавказской администрации в регионе. Создаваемое им знание служило сохранению империи и предназначалось в качестве инструмента для легитимизации действия имперских властей.

В 1883 г. Берже подготовил популярный очерк о горских племенах Кавказа, который вошел в многотомное, предназначенное для широких кругов читающей публики, издание «Живописная Россия». В нем он вновь повторил официальную интерпретацию Кавказской войны и подчеркнул, что завершение военных действий стало возможно, в первую очередь, «благодаря

неимоверным трудам, усилиям и самоотвержению русских войск» (1883, с. 91). На этом фоне бросается в глаза уважительное отношение Берже к Шамилю, которого он характеризует как талантливого военачальника, заслужившего право стать в один ряд с «первостепенными восточными военными знаменитостями» (1883, с. 89).

Берже так и не стал автором большого официального нарратива, как изначально предполагалось, в связи с его назначением на должность председателя Кавказской археографической комиссии. Он ограничился публикацией документов и разработкой лишь отдельных сюжетов новейшей истории Кавказа. Руководствуясь скорее академическим любопытством, нежели практическими целями, он затрагивал наиболее спорные моменты (мухаджирство, гибель А. С. Грибоедова, русские дезертиры в Персии и др.), которые стали предметом обсуждений последующих поколений историков и вызывают оживленные дискуссии по сей день.

Выводы

Берже был человеком своего времени, с характерным имперским мышлением. Невозможно отрицать сильное влияние на его исследовательскую деятельность кавказской администрации, близость с которой он сохранял всю жизнь. Самый роскошный венок, который был возложен во время похорон на его могилу, был от кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, особым расположением и вниманием которого Берже пользовался до самой своей смерти в 1886 г. (Семевский, 1886, с. 740)

Спустя два года, в цветнике Кавказского музея в г. Тифлисе состоялось торжественное открытие памятника ученому (Тифлисская жизнь, 1888, с. 2). Личное участие в церемонии приняли главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, генерал-адъютант А. М. Дондуков-Корсаков и его помощник генерал-адъютант С. А. Шереметев. Памятник представлял собой бронзовый бюст работы мюнхенского художника Гаха, установленный на высоком пьедестале из кутаисского камня. Надписи на памятной доске: «1864–1886», «бывший председатель Кавказской археографической комиссии», а также модели десяти томов «Актов Кавказской археографической комиссии» красноречиво свидетельствовали о главных заслугах ученого-чиновника, признанных властью и обществом.

А. П. Берже был ярким представителем административной и научной элиты кавказской окраины Российской империи второй половины XIX в., деятельность которого оказала существенное влияние на формирование научного знания о регионе. Его исследовательские практики отражали потребности своего времени, а их результаты соответствовали духу эпохи.

Приехав на Кавказ как ученый-востоковед, стремящийся познать местную культуру, он, под воздействием власти, вынужден был изменить свою исследо-

вательскую траекторию и включится в формирование исторического знания для сохранения и укрепления империи.

Талантливый исследователь и организатор изучения кавказской истории, Берже понимал важную роль науки в культурной интеграции кавказской окраины Российской империи и добросовестно выполнял возложенную на него властью задачу. Сохраняя прагматичный взгляд ученого, он был далек от идеализации истории присоединения Кавказа к России. Следует отметить его позитивный вклад в формирование источниковой базы кавказоведения, его неподдельный интерес и симпатию к региону, а также отсутствие ярко выраженных империалистических устремлений. Красной нитью в его работах проходит идея о цивилизаторской миссии России на Кавказе, а осуществляемые им издательские проекты создавали научную основу для конструирования общего прошлого с целью внутреннего объединения кавказских территорий и их репрезентации как неотъемлемой части Российской империи.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

Список литературы

- Jersild, A. L. (2002). *Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845 – 1917*. Itaca. <https://doi.org/10.1515/9780773569966>
- Said, E. W. (1978). *Orientalism*. Pantheon Books.
- Tolz, V. (2011). *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Russia*. Oxford University Press.
- Алаев, Л. Б. (2016). Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России? В *Ориентализм vs. Ориенталистика. Сборник статей*. (с. 16–26). Садра.
- Алиева, А. И. (2021). Адольф Петрович Берже – исследователь народов Кавказа. *Традиционная культура*, 22(4), 143–152. <https://doi.org/10.26158/ТК.2021.22.4.012>
- Берже, А. П. (1859). *Чечня и чеченцы*. Типография Главного управления наместника Кавказского.
- Берже, А. П. (1862). Краткий очерк путешествия по Дагестану. *Кавказ*, 3, 5–6.
- Берже, А. П. (1866a). Предисловие. В *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: Т. 1*. (с. III–X). Типография Главного управления наместника Кавказского.
- Берже, А. П. (1866b). Тифлисская публичная библиотека. *Кавказ*, 28(2–3).

- Берже, А. П. (1872). Смерть А.С. Грибоедова, 1829 г. Исследование по подлинным неизданным документам. *Русская старина*, 6(8), 163–207.
- Берже, А. П. (1877). Защита Михайловского укрепления на Кавказе. 22 марта 1840 г. *Русская старина*, 19(5), 275–286.
- Берже, А. П. (1880). Присоединение Грузии к России, 1799–1831. *Русская старина*, 28(5–8), 1–177.
- Берже, А. П. (1882). Выселение горцев с Кавказа. Исторический очерк. *Русская старина*, 33(1–2), 161–363.
- Берже, А. П. (1883). Горные племена Кавказа. В *Живописная Россия*: Т. IX (с. 69–92). Типография М. О. Вольфа.
- Венюков, М. И. (1879). Заметки о новых книгах. *Русская старина*, 25(8), 747–754.
- Городецкий, М. Б. (1912). Адольф Петрович Берже. В *Литературные и общественные деятели Северного Кавказа. Библиографические очерки* (с. 369–373). Типография Кубанского областного правления.
- Дружинин, А. В. (1860). Чечня и чеченцы. Сочинение А.П. Берже [Рецензия]. *Библиотека для чтения*, 160(7), 9–11.
- Колосов, Л. Н. (1987). А. П. Берже: Материалы к научной биографии. В *История и историки: Историографический ежегодник* (с. 213–225). Наука.
- Колосовская, Т. А., & Ткаченко, Д. С. (2020). Имперская политика памяти на Кавказе: Механизмы конструирования массового исторического сознания (XIX – начало XX веков). *Новый исторический вестник*, 2, 131–154.
- Косвен, М. О. (1955). Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. В *Кавказский этнографический сборник* (Т. 1, с. 368–369). Наука.
- Максимчик, А. Н., & Манышев, С. Б. (2020). «...Собрать из архивов главнейшие акты и сведения...» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.). *Новое прошлое*, 2, 44–61. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-2-44-61>
- Рыбаков, А. Л. (2006). Ориенталист на Кавказе. К 120-летию со дня смерти А. П. Берже (1828–1886). В *Кавказский сборник*: Т. 3 (35) (с. 356–369). Русская панорама.
- Семевский, М. И. (1886). Адольф Петрович Берже. *Русская старина*, 49(3), 727–744.
- Сулаберидзе, Ю. С. (2013). Адольф Петрович Берже – исследователь Кавказа. *Клио*, 3(75), 97–102.
- Тифлисская жизнь. (1888). *Кавказ*, 96(2).
- Торбаков, И. (2001). «Осколки разбитого вдребезги»: Историческое поражение имперского проекта. *Ab Imperio*, 4, 391–435. <https://doi.org/10.1353/imp.2001.0080>
- Щербинин, М. П. (1876). Акты, собранные Кавказской археографической комиссией [Рецензия]. *Русская старина*, 15(1), 225–234.

References

- Alaev, L. B. (2016). Orientalism and Orientalism: Why Edward Said's Book Did Not Succeed in Russia? In *Orientalism vs. Orientalistics. Collection of Articles*. (pp. 16–26). Sadra. (In Russian).

- Aliyeva, A. I. (2021). Adolph Petrovich Berge – Researcher of the Peoples of the Caucasus. *Traditional Culture*, 22(4), 143–152. <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.012> (In Russian).
- Berge, A. P. (1859). *Chechnya and the Chechens*. Typography of the Chief Administration of the Viceroy of the Caucasus. (In Russian).
- Berge, A. P. (1862). Brief Overview of the Journey to Dagestan. *Caucasus*, 3, 5–6. (In Russian).
- Berge, A. P. (1866a). Preface. In *Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission: Vol. 1*. (p. III–X). Typography of the Chief Administration of the Viceroy of the Caucasus. (In Russian).
- Berge, A. P. (1866b). Tiflis Public Library. *Caucasus*, 28(2–3). (In Russian).
- Berge, A. P. (1872). The Death of A.S. Griboedov, 1829. Study Based on Genuine Unpublished Documents. *Russian Antiquity*, 6(8), 163–207. (In Russian).
- Berge, A. P. (1877). Defense of the Mikhailovsky Fortress in the Caucasus. March 22, 1840. *Russian Antiquity*, 19(5), 275–286. (In Russian).
- Berge, A. P. (1880). The Annexation of Georgia to Russia, 1799–1831. *Russian Antiquity*, 28(5–8), 1–177. (In Russian).
- Berge, A. P. (1882). The Expulsion of the Highlanders from the Caucasus. Historical Sketch. *Russian Antiquity*, 33(1–2), 161–363. (In Russian).
- Berge, A. P. (1883). Mountain Peoples of the Caucasus. In *Picturesque Russia: Vol. IX* (pp. 69–92). Typography of M. O. Volfa. (In Russian).
- Druzhinin, A. V. (1860). Chechnya and the Chechens. A Review of A.P. Berge's Work. *Library for Reading*, 160(7), 9–11. (In Russian).
- Gorodetsky, M. B. (1912). Adolph Petrovich Berge. In *Literary and Public Figures of the North Caucasus. Biobibliographical Essays* (pp. 369–373). Typography of the Kuban Regional Administration. (In Russian).
- Jersild, A. L. (2002). *Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845 – 1917*. Itaca. <https://doi.org/10.1515/9780773569966>
- Kolosov, L. N. (1987). A.P. Berge: Materials for a Scholarly Biography. In *History and Historians: Historiographic Yearbook* (pp. 213–225). Nauka. (In Russian).
- Kolosovskaya, T. A., & Tkachenko, D. S. (2020). Imperial Memory Policy in the Caucasus: Mechanisms of Constructing Mass Historical Consciousness (19th – Early 20th Century). *New Historical Bulletin*, 2, 131–154. (In Russian).
- Kosven, M. O. (1955). Materials on the History of Ethnographic Studies of the Caucasus in Russian Science. In *Caucasian Ethnographic Collection* (Vol. 1, pp. 368–369). Nauka. (In Russian).
- Maksimchik, A. N., & Manyashev, S. B. (2020). 'Gathering the Most Important Acts and Information from the Archives' (Caucasian Archaeographic Commission and Archival Work in the Caucasus in the Second Half of the 19th Century). *New Past*, 2, 44–61. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-2-44-61> (In Russian).
- Rybakov, A. L. (2006). Orientalist in the Caucasus: On the 120th Anniversary of the Death of A. P. Berge (1828–1886). In *Caucasian Collection: Vol. 3* (35) (pp. 356–369). Russian Panorama. (In Russian).
- Said, E. W. (1978). *Orientalism*. Pantheon Books.
- Semevsky, M. I. (1886). Adolph Petrovich Berge. *Russian Antiquity*, 49(3), 727–744. (In Russian).

- Shcherbinin, M. P. (1876). Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission: Review. *Russian Antiquity*, 15(1), 225–234. (In Russian).
- Sulaberidze, Y. S. (2013). Adolph Petrovich Berge: Researcher of the Caucasus. *Clio*, 3(75), 97–102. (In Russian).
- Tiflis Life. (1888). *Caucasus*, 96(2). (In Russian).
- Tolz, V. (2011). *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Russia*. Oxford University Press.
- Torbakov, I. (2001). 'Shards of a Shattered Imperial Project': Historical Defeat of the Imperial Project. *Ab Imperio*, 4, 391–435. <https://doi.org/10.1353/imp.2001.0080> (In Russian).
- Venyukov, M. I. (1879). Notes on New Books. *Russian Antiquity*, 25(8), 747–754. (In Russian).